

Примечания

1. *Майков П. М.* И. И. Бецкой: Опыт его биографии /П. М. Майков. СПб., 1904. Прил. С. 37.
2. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 24. Л. 1–6; Д. 26. Л. 1.
3. ПСЗ. Т. 24. № 17952.
4. РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 429. Л. 3; Оп. 26. Д. 370. Л. 1; Д. 425. Л. 1; Д. 477. Л. 1–188.
5. Там же. Оп. 20. Д. 156. Л. 2; Д. 139. Л. 1–5 об.; Д. 191. Л. 1–9; Д. 140. Л. 2.
6. Там же. Д. 147. Л. 1–5; Д. 152. Л. 1–8; Д. 140. Л. 4.
7. Там же. Д. 149. Л. 1Б–18 об.; Д. 137. Л. 1–14 об.; Ф. 759. Оп. 8. Д. 6. Л. 34–36.
8. Там же. Ф. 758. Оп. 20. Д. 148. Л. 1–23.
9. Там же. Д. 154. Л. 1–5 об.; Оп. 9. Д. 429. Л. 5 об.–10 об.; Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 207–215.
10. Там же. Ф. 759. Оп. 8. Д. 1. Л. 41–43 об.; Ф. 758. Оп. 9. Д. 429. Л. 11.

*Е. Н. Груздева,
бильд-редактор издательства
Е. М. Колосова,
директор музея истории университета*

ЖЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ (1913–1917)

В 1913 г. по всей России широко отмечалось 300-летие Дома Романовых. Столица Российской Империи к торжествам заметно преобразилась: были построены новые парадные здания, улицы украшены флагами и цветами, через Неву перекинут самый крупный железнодорожный мост. Праздничная атмосфера царила и в Императорском женском педагогическом институте, который в юбилейном для династии Романовых году переживал пору своего наивысшего расцвета. Он был единственным женским институтом в России, признававшимся правительством и Министерством народного просвещения в качестве высшего учебного заведения.

Его непосредственным предшественником были Педагогические курсы при Санкт-Петербургских женских гимназиях, открытые в системе Ведомства учреждений императрицы Марии в 1859 г. Первоначально круг предметов, входивших в программу курсов, был направлен главным образом на расширение теоретических знаний, полученных в гимназиях. Но очень скоро курсы стали приобретать специальный педагогический характер за счет добавления особых учебных предметов — педагогики, анатомии, возрастной физиологии, педагогической практики в базовой гимназии.

В конце XIX в. в преподавательский состав Педагогических курсов влились молодые энергичные выпускники университета: историки А. Е. Пресняков, С. В. Рождественский, М. А. Полиевктов, филолог А. К. Бороздин. Они живо откликнулись на предложение преобразовать курсы в Женский педагогический институт. Идея исходила от инспектора курсов адмирала А. Н. Страннолюбского и была одобрена попечителем заведения великим князем Константином Константиновичем, известным в России как поэт, писавший под псевдонимом КР. Преобразованию курсов способствовало и общественно-педагогическое движение начала XX в. На этой общепедагогической волне группа молодых преподавателей и занялась разработкой расширенной программы четырехлетнего обучения. Еще в 1898 г. А. Е. Пресняков писал: «Программу эту мы стряпаем в конспиративном кружке из 7 человек (все молодежь). <...> Курсы, как они теперь поставлены, — учреждение маргариновое, а мы хотим создать высшее заведение особого типа»¹.

Когда программы нового института были разработаны и утверждены, великий князь Константин Константинович пригласил на должность директора известного петербургского профессора русской истории С. Ф. Платонова. Выбор попечителя оказался весьма удачным: благодаря авторитету и связям С. Ф. Платонова в научной и преподавательской среде в штат Женского педагогического института вошли философы Э. Л. Радлов, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, историки Э. Д. Гримм, А. А. Васильев, Д. К. Петров, математики К. А. Поссе, Н. Н. Гернет, естественники М. Н. Римский-Корсаков, В. Т. Шевяков и другие. Лекции и практические занятия в новом институте по научному уровню и объему содержания не только не уступали университетским, но и были

представлены более широким спектром дисциплин за счет введения психолого-педагогических предметов, физиологии и гигиены человека, а также частных методик преподавания.

Первоначально институт размещался в здании Воспитательного дома на Гороховой улице (в доме № 20) и занимал один этаж. После официального учреждения Женского педагогического института был поставлен вопрос о выделении для него специального помещения. «Дай Бог нам в новом году... найти институту хорошее помещение»², — писал 31 декабря 1903 г. С. Ф. Платонову великий князь Константин. В новое здание, расположенное по Малой Посадской улице (в доме № 26), институт переехал уже в 1905 г. Помещение было прекрасно оборудовано и имело оснащенные всем необходимым лаборатории, кабинеты, студенческую столовую. Константин Константинович принял самое активное участие в его благоустройстве. Он передал в институт «для хранения и использования при учебных занятиях» нумизматическую коллекцию, принадлежавшую еще его деду императору Николаю I, систематически выделял из личных средств деньги для расширения библиотеки, приобретения физических приборов, оборудования для гигиенической лаборатории, на развитие ботанического кабинета. На третьем этаже здания была создана домовая церковь, которую торжественно освятили 12 февраля 1906 г. в честь иконы Иверской Божией Матери. (Значительная часть средств для создания и украшения церкви также была выделена лично великим князем.) На первом этаже здания находились гимназия, детский сад, квартиры служащих и хозяйственные помещения.

Институт успешно прошел испытательный срок и уже в 1907 г. был признан высшим педагогическим учебным заведением, выпускницы которого на основании правил, утвержденных 19 декабря 1911 г., получали звание учительницы средних учебных заведений. По новому положению 12 мая 1912 г. учебные планы двух факультетов института доводились до полноты соответствующих учебных планов университетских факультетов с дополнениями, учитывавшими педагогическую направленность института, получившего статус императорского. Ежегодные субсидии на него увеличились с 12 до 92 тысяч рублей; были утверждены 43 новые должности, в том числе 22 профессорские; контингент слушательниц устанавливался в 500 человек, общее число учащихся составляло около 1000, а ежегодное количество выпускниц доходило до 100. С развитием и повышением статуса института существенно вырос его престиж.

Императорский женский педагогический институт имел своей целью высшее педагогическое образование женщин и подготовку преподавательниц для всех классов женских учебных заведений, а также классных и домашних наставниц. При поступлении большую роль играла гимназическая подготовка будущих курсисток. Без экзаменов принимались гимназистки, имевшие награды за успехи в учебе, и девушки, успешно окончившие педагогический класс женского среднего учебного заведения или женской гимназии, подведомственной Министерству народного просвещения. Остальные сдавали приемные экзамены по русскому языку, арифметике и иностранному языку. Затем слушательницы выбирали либо словесно-историческое, либо физико-математическое отделение (первое пользовалось гораздо большей популярностью).

Первые два года обучения посвящались в основном теоретической подготовке, на третьем курсе начиналась педагогическая практика, которая продолжалась и занимала ведущее положение на четвертом курсе. Был еще девятый семестр, во время которого занимались только педагогической практикой, лекций не было. Это девятое полугодие предназначалось для лиц, имеющих в виду педагогическую деятельность. Те, у кого таких намерений не было, могли получить свидетельство об окончании института в конце восьмого семестра.

Общими для обоих отделений были курсы по богословию, психологии, логике, истории, философии, русскому языку и методике его преподавания, математике и методике ее преподавания, естествоведению, физиологии и гигиене, иностранному языку (французскому или немецкому). С первого курса изучался цикл педагогических дисциплин, в который входили этика, методика элементарного обучения, детская литература, гигиена детского возраста, школьная гигиена, рисование и лепка, теория и история педагогики. Кроме того, на каждом отделении существовали свои «базовые» дисциплины. Специализация на словесно-историческом отделении проходила на третьем курсе, слушательницам надо было сделать выбор между историей, русским языком и литературой или иностранным языком. Ориентация института на формирование всесторонне развитой личности требовала большой аудиторной учебной нагрузки и самостоятельной работы. Выбор дисциплин зависел от слушательницы. Свобода выбора при предметной системе приводила к необходимости

создания индивидуального учебного плана, предполагающего самостоятельное углубленное изучение студенткой определенного цикла дисциплин.

На первых трех курсах преобладающими видами учебной деятельности являлись слушание лекций и выполнение самостоятельных работ под руководством профессоров и преподавателей. Основную цель учебных занятий, которая преследовалась в институте, четко сформулировал его попечитель великий князь Константин Константинович: возбудить умственную самостоятельность путем самостоятельной разработки научных тем и рефератов, в устных докладах, в чтении первоисточников, в решении задач и т. п. Существенным этапом учебной деятельности были практические занятия: слушательницы, не получившие зачет по практическим занятиям, не могли, согласно правилам, перейти на следующий семестр.

Важнейшую роль в подготовке студенток Женского педагогического института играла педагогическая практика. В 1913 г. директор института С. Ф. Платонов в своем выступлении на I съезде преподавателей физики, химии и космографии так определил основной принцип работы института: «Учить не рассказом, а показом, т. е. основное внимание уделять практической подготовке будущих учительниц средней школы»³. Именно поэтому всемерно развивалась собственная база педагогической практики. При институте имелась женская гимназия, которая постепенно образовалась из прогимназии при педагогических курсах. (В 1904 г. она получила название Константиновской женской гимназии⁴). В ней были созданы максимально благоприятные условия для практических занятий педагогичек (так в то время было принято называть слушательниц): в приготовительных классах здесь обучалось по 25 человек (в остальных гимназиях — по 30 при общепринятой норме наполняемости классов в 40 человек). Наряду с гимназией в учебно-практический комплекс института входили еще детский сад и детский приют.

Уже с первого курса слушательницы начинали изучать теорию и историю педагогики, дидактику и логику. После выбора специализации начиналось основательное изучение не только специальных дисциплин, но и методики их преподавания. Была разработана целая система постепенного вхождения практики в жизнь школы. На третьем курсе от студенток требовалось прослушать около 10 уроков по русскому языку в младшем классе и дать о них подробнейший письменный отчет, касающийся темы, материала, метода ведения урока и отношения к нему со стороны учащихся. При этом учитывалась связь данного урока с предыдущими и последующими в общем цикле. Положительно оцененный письменный отчет являлся необходимым условием для проведения собственных уроков. Студентки словесно-исторического отделения на четвертом курсе проводили два урока в неделю. Каждый проведенный урок обсуждался на конференции под председательством методиста, руководившего практикой, с участием преподавателей гимназии и практикантов. Руководители практики и преподаватели гимназии входили в состав комиссии, которая давала общую оценку педагогической практике. Столь строгое и внимательное отношение к практике в то время было новшеством. Впоследствии выпускницы подчеркивали важность для преподавательской деятельности приобретенного ими еще в студенческие годы опыта.

Существенным дополнением институтского учебного процесса были экскурсии, которые проходили в каникулярное время. Слушательницы под руководством преподавателей ездили в древнерусские города, знакомились с достопримечательностями, народным творчеством, живописью и памятниками русского зодчества. Поездки в Москву, Киев, Новгород, Псков позволяли преподавателям-историкам облегчить девушкам понимание прошлого, направляли их внимание на важные для этого понимания детали. Посещение монастырей и православных святынь, жизнь в обителях духовно обогащали участниц таких паломничеств, позволяли «опытно узнать и убедиться, какая своеобразная, замечательная по своей относительной высоте и поучительная по своей цельности, внутренней объединенности культура была в нашей Древней Руси»⁵. Слушательницы охотно участвовали в этих поездках, хотя в план читаемого курса такие экскурсии не входили, материально не субсидировались и носили исключительно характер личной инициативы.

Диалектолог и историк русского языка Н. М. Каринский использовал экскурсии в целях развития практических навыков студенток в палеографии. Так, во время поездки по Суздальской Руси при посещении Ярославского Архиерейского дома, музея во Владимире и ряда других мест он предлагал девушкам задания по определению места и времени написания рукописей, по выявлению характерных особенностей орнаментов в рукописных книгах. С группой добровольцев Н. М. Каринский совершал и диалектологические поездки, в которых вел записи диалектной речи

по составленной ранее программе. Участницы таких поездок с интересом записывали произведения устного народного творчества, знакомились с жизнью и бытом русской деревни.

Увлеченный диалектологией и историей русского языка, Н. М. Каринский оставил глубокий след в памяти студенток. Одна из педагогичек много лет спустя вспоминала о поездке по северным городам России: Каринский «возводил названия предметов, которые нас окружали, всего, что мы ели или пили, к древнерусскому, санскриту, к праязыку»; вспоминается его высокая фигура, когда на остановках при виде местных жителей он «карабкался даже на высокий берег, чтобы записать особенности северных диалектов»⁶. Несколько раз в институте организовывались и заграничные поездки. Реализация таких проектов во многом была обеспечена финансовой поддержкой попечителя института великого князя Константина Константиновича. «Наши институтские экскурсии... дают слушательницам большой вклад не только в их общее образование, но и... в дело самовоспитания»⁷, — считали преподаватели института.

Организация научной работы студенток осуществлялась и через деятельность кружков. К 1917–1918 учебному году существовало несколько научных кружков: исторический (им руководил А. Е. Пресняков), литературный (Н. Н. Трубицын), психолого-педагогический (В. А. Волкович и З. К. Столица), русского языка (Н. М. Каринский), математический (С. А. Богомолов и С. Г. Петрович), музыкальный и художественного чтения.

Роль переводных экзаменов в конце каждого года отводилась рефератам. Обсуждения рефератов проходили на конференциях, в которых участвовали все преподаватели и студентки под председательством директора⁸. По окончании обучения устраивались итоговые экзамены. Студентки, получившие «4», лишались права преподавания этой специальности в старших классах гимназий. Успешно окончившие институт получали право преподавания во всех классах женских гимназий.

Кроме рефератов и сочинений, в институте сдавали и экзамены по специальным предметам, о которых также сохранились воспоминания слушательниц словесно-исторического факультета: «Никаких особых методов подготовки к экзаменам нам не рекомендовалось, и мы сами их придумывали. Некоторые из нас группами готовились по несколько человек, причем так организовывали свою маленькую группу, чтобы в ней оказались разные “специалисты”, т. е. студентки, сосредоточившие особое внимание на одном из предметов экзаменов»⁹.

Слушательницам перед экзаменом давалась только официальная программа. Все же распределение материала по билету производилось (согласно указанию программы) индивидуально, а в подгруппе — «специалистом». Труднее всего было с учебными пособиями. Постоянных пособий обычно не было, готовиться приходилось или по нескольким книгам, или по записям лекций профессоров. Вспоминает одна из педагогичек: «Сначала мы пробовали судорожно записывать все, что говорилось профессором, применяя собственные стенографические приемы. А дома приводили свои записи в культурный вид. Но вскоре пришлось убедиться, что такой порядок не оставляет времени для самостоятельного чтения. <...> Тогда стали записывать конспективно, но и это не удовлетворяло. Попробовали чередоваться, чтобы потом издавать литографированные лекции, но почему-то это не вышло. При отсутствии определенного пособия приходилось искать материал в разных книгах, еще хуже, когда их и вообще не было. Так, перед самым экзаменом оказалось, что нам не по чьему-то готовиться к истории испанского театра. Кому-то удалось достать литографированные лекции Д. К. Петрова, издававшиеся на Бестужевских курсах, но чуть ли не треть их представляла собой цитаты на испанском языке. Мы обратились к Петрову за советом, что делать? Он ответил: "Зубрите!"»¹⁰. Обычно слушательницам все-таки рекомендовались одно или несколько пособий, а оценки преподаватели ставили, по мнению девушек, не слишком строго.

Воспоминания слушательниц позволяют прочувствовать ту атмосферу, в которой жили и учились студентки института предреволюционных лет.

Кроме лекций, определенных учебным планом, студентки тратили свое время на подбор нужной литературы. Часто «злоупотребляли» готовностью преподавателей оказывать любую необходимую помощь: девушки не давали им покоя не только между занятиями, но даже консультировались по предмету на дому. Замечая у слушательниц интерес к какому-нибудь специальному вопросу, не затрагивавшему или слабо освещенному курсу, профессора разрешали им посещать их занятия в других местах, где они преподавали, договаривались с другими профессорами, давали к ним рекомендацию и т. п. Они всемерно поддерживали у студенток интерес к знаниям, даже если они не касались непосредственно их предмета преподавания. Такую безотказную готовность по-

мочь в работе отмечали едва ли не все педагогички, участвовавшие в кружках С. Ф. Платонова, Д. К. Петрова, А. П. Нечаева, Н. К. Кульмана и др. По-видимому, это было общим явлением.

Некоторых преподавателей словесно-исторического факультета педагогички выделяли особенно. Это были яркие личности и увлеченные специалисты, каждый в своей области. Не случайно эпитафией, который использовали студентки к рукописному студенческому журналу «Искание», стали слова профессора кафедры педагогики П. Ф. Каптерева, произнесенные им как-то на лекции: «Ценно не то в человеке, чтобы он походил на других, а то, чем он отличается от них; ценно не общее, а индивидуальное»¹¹.

Преподаватели института, каждый по-своему, несомненно, оказали влияние на формирование взглядов слушательниц — будущих педагогов.

Н. К. Кульман преподавал древнерусский и древнецерковнославянский языки. Хорошо успевающим курсисткам он поручал заниматься с отстающими грамматическим разбором летописи и «Остромирова евангелия». Как заметила одна из выпускниц, это позволяло лучше разбираться в русской орфографии, уходящей своими корнями в древнерусский язык. Впоследствии этой выпускнице, методисту по начальному обучению математике, приходилось передавать свои знания в области русской орфографии, объясняя правописание наиболее употребляемых в математике слов. Это показывает, насколько основательным было изучение русского языка не только на словесном, но и на физико-математическом отделении. Ясность и четкость построения лекций Н. К. Кульмана, прекрасная дикция и мастерство художественного чтения служили образцом для девушек при подготовке собственных уроков в гимназии.

Конечно, слушательниц не могли не затронуть увлекательные лекции по педагогическим дисциплинам профессора П. Ф. Каптерева. Его творческий подход к предмету находил живой отклик у начинающих педагогов. Психологию преподавал профессор А. П. Нечаев. В своих лекциях он пытался отразить некоторые новые для того времени психологические концепции. Однако излагал он это новое, с точки зрения слушательниц, недостаточно вразумительно. Они сетовали на то, что было очень трудно вести записи по его предмету. Некоторые преподаватели словесно-исторического факультета пользовались такой популярностью, что послушать их лекции приходили и математики, и естественники. Так, многим запомнились лекции философа А. И. Введенского.

К 1913 г. лекции по истории Древней Греции, а также по истории и культуре эпохи Возрождения читал П. П. Фридолин, а историю итальянской и испанской литературы — молодой профессор В. Ф. Шишмарев. Особенно же ценили слушательницы прекрасные лекции по истории Средних веков А. А. Васильева.

Популярными были лекции по русской истории академика С. Ф. Платонова. Одна из выпускниц вспоминает о нем: «Талантливый лектор, С. Ф. Платонов повернул к нам историю другой ее гранью, показав, если можно так выразиться, многоликость факта и его отражения документом. Отсюда вытекало бережное с ним обращение и призыв, если не к объективности, то, во всяком случае, — к справедливой оценке исторических фактов и людей... <...> Своеобразно было построение лекций: каждая была частью большего целого и вместе с тем вполне законченным произведением. Она всегда была тщательно обработана, вероятно, записана и так запечатлелась в памяти лектора, что произносилась им от случая к случаю почти без изменений не только содержания, но и формы.

И еще одна особенность — автор как бы самоустраивался: в его изложении говорили и действовали те, о ком он рассказывал. Это были как бы ожившие портреты, написанные сочными красками, в свойственной им обстановке, говорившие языком своего времени. Это был скорее показ, чем рассказ... <...> Платонов показал нам историю не как случайное сочетание лиц и событий, а в их временной причинной связи, осознать которую помогает умело прочитанный документ»¹².

Русскую историю читал и профессор А. Е. Пресняков. Замечательный исследователь Киевской и Московской Руси, он поражал своим прекрасным знанием исторических источников этой эпохи и умением из сложнейших противоречивых показаний воссоздать подлинное историческое прошлое.

Девушки высоко ценили доброе и внимательное отношение со стороны преподавателей. Так, профессор Ф. А. Витберг запомнился не чтением лекций (он не владел даром красноречия), а своим вдумчивым, гуманным отношением к слушательницам. Многие из них бывали у него на квартире и получали наставления профессора-эрудита, а также книги из его библиотеки для своих рефератов и докладов¹³. «Властителями душ» называли выпускницы профессоров русской литературы

С. А. Адрианова и Н. К. Пиксанова. Всю жизнь курсистки оставались благодарны преподавателям, которые поддерживали их молодежные начинания.

Н. К. Пиксанов возглавил литературный кружок, созданный в 1914 г. На его заседаниях слушались рефераты, обсуждались литературные направления, читались доклады по поэзии и прозе новых авторов — А. Блока, К. Бальмонта.

Профессора С. А. Адрианова студентки почитали как талантливого лектора, блестяще раскрывавшего глубины творчества, особенно таких писателей, как Лермонтов, Достоевский. «Когда они служили темой его лекций, в аудитории набивалось столько народу (студентки разных курсов и факультетов), сколько она могла вместить, и даже больше. Тогда его небольшая фигурка не терялась в массе собравшихся лишь потому, что он стоял на возвышении. Читал он убежденно, страстно, говорил как бы импровизируя, вдохновенно, прекрасным тургеневским языком, сочным, звучным и образным. Он тонко анализировал психологию действующих лиц разбираемого произведения, за ней вскрывая мысли, чувства и чаяния автора на фоне его эпохи. Очень болезненный, он так переживал свои выступления, что иногда после них терял сознание, и его увозили домой»¹⁴.

Именно С. А. Адрианов в течение всех лет его работы в Женском педагогическом институте оставался одним из немногих профессоров, которые принимали горячее участие в общественной жизни: он посещал собрания слушательниц, даже предоставлял для них свою квартиру; читал публичные лекции, отдавая средства от них в студенческую кассу взаимопомощи, охотно участвовал в «культпоходах», а иногда его можно было видеть в столовой для безработных чистившим картошку и распевавшим со студентками революционные песни.

Историю древней литературы первокурсницам читал Д. К. Петров. «Литературы Греции мы в гимназии не касались, и все, что Д. К. говорил о ней, было для нас новым и очень интересным. Что он сумел показать ее — в этом, конечно, его заслуга. Вспоминаю, хорошее было вступление: природа Греции. Народные певцы — рапсоды. Гомер. Первая наша встреча с “Илиадой”: Д. К. заставлял нас читать ее — это его большая заслуга. Отдельные песни он пересказывал сам на лекциях, особенно касающиеся любви... Вначале это интересовало, как новая, до того запретная тема. Возможно, реакция аудитории поднимала настроение лектора: он говорил горячо, стройно»¹⁵. На старших курсах он читал и лекции по западноевропейской литературе.

Н. К. Кульман нравился аудитории не вдохновенной формой изложения, не размахом преподносимых знаний, а ясностью и четкостью лекций. Он умел и любил читать литературные произведения, используя для этого любой повод: так, например, перед каникулами вместо урока-лекции по просьбе девушек читал «Певцов» Тургенева, Чехова или что-нибудь другое из своего репертуара. Для студенток поучительным было то, что он считал художественное чтение важным компонентом обучения, говоря, что каждый из будущих педагогов обязан учиться этому искусству и, во всяком случае, сможет достигнуть той ступени грамотного выразительного чтения, какой достиг он, рядовой преподаватель. Когда девушки занимались педагогической практикой (разбором уроков и составлением планов), лекции Н. К. Кульмана становились для них образцом четкости и композиционной ясности построения и проведения уроков.

В памяти бывших студенток оставила глубокий след яркая личность Н. М. Каринского, влюбленного в русскую диалектологию. Многие вспоминают, как он декламировал перед слушателями заговоры, сказки и другие произведения русского народного творчества на соответствующих диалектах, как тонко показывал родство и различие в языке и традиционной культуре русского и других славянских народов. Сопоставление фольклорных сюжетов и языковых форм особенно интересовало тех, кто, кроме русского, владел еще каким-нибудь славянским языком.

Литературу студенткам первого курса читал Ф. А. Витберг, преподававший еще в конце XIX в. на Педагогических курсах. Там он пользовался любовью слушательниц, которые ценили его как прогрессивного преподавателя, специалиста по фольклору, собравшего большую по объему и разнообразию по содержанию картотеку, преданного своей специальности, прекрасного педагога и просто очень хорошего доброжелательного человека. В 1913 г. он был уже старик, читал скучно, брюзжащим тоном. Зато практические занятия он вел интересно и очень помогал в поисках литературы к реферату, а то и делился своими драгоценными книгами по специальности. К слушательницам, обратившимся к нему за помощью, он всегда относился не просто приветливо, а сердечно.

Наряду с учебой слушательницам приходилось решать жизненно важные бытовые проблемы. Обучение в институте было платное. Стоимость обучения в течение года составляла 100 руб-

лей — большие деньги для 1900-х гг. Не все желающие учиться могли себе это позволить. Существовала система стипендий, но она охватывала лишь незначительную часть слушательниц. Среди педагогичек (в большинстве своем не знавших горькой нужды в хлебе насущном и не считавших каждую копейку в своем бюджете) было все же немало девушек, познавших тягости учебы в голодном состоянии, стойко борющихся с нуждой, преодолевающих материальные невзгоды самоотверженной учебой. Слушательницы, приехавшие из других городов и самостоятельно оплачивавшие свой стол и жилье, даже при финансовой поддержке родителей не всегда могли свести концы с концами. Для помощи таким «недостаточным» слушательницам при институте были созданы касса взаимопомощи, бюро труда, общество вспомоществования. Члены кассы взаимопомощи помогали своим сокурсницам в обеспечении учебниками, билетами в театр, на концерты, подыскивали дешевые комнатки и уголки, предварительно проверяя на месте бытовые условия проживания в них, а также «окружение» в квартире; больных устраивали на медицинское обследование и лечение в лучшие клиники Петербурга, Военно-медицинскую академию и другие больницы; подыскивали для девушек летние «кондиции» — уроки в состоятельных семьях, которые проводили лето на дачах или в своих имениях.

Основным источником материальной базы кассы являлись членские взносы и солидные доходы от ежегодных концертов-балов. На них выступали лучшие артисты Петербурга, певцы, музыканты, чтецы-декламаторы. Большой популярностью пользовались публичные лекции С. А. Адрианова и других преподавателей, благотворительные лотереи.

Настроения и вкусы слушательниц института были весьма разнообразны. Их выразительно охарактеризовала одна из выпускниц словесно-исторического отделения: «Молодежь неудержимо тянуло к новому, прежде всего в искусстве. Многие девушки, например, открыто предпочитали новый театр музыкальной драмы "Мариинке" с ее косными штамповыми формами; камерный вечер песни Зои Лодий — строго выдержанному концерту классической музыки; восторгались полотноми Коровина, Серова, Малявина, Бенуа. Но основные предпочтения студентки-словесницы отдавали литературе. Они стремились выйти за пределы программного материала, жаждали приобщиться к современному литературному процессу.

Начало XX в. было преимущественно временем слов. Слово вместо действия. Дети своего века, студенты тянулись к этому слову. Нового, особенно в области поэзии, было более чем достаточно. Но читать поэтов в альманахе — это одно, а послушать живого поэта — совсем другое, и девушки стремились попасть на чтения, концерты, хотя билеты на них были многим явно не по карману. Институтская администрация, учитывая пожелания слушательниц, время от времени устраивала литературные вечера, приглашая на них какую-нибудь знаменитость. В 1914 г. в институте выступали модные тогда крестьянские поэты, а в 1916 г. — Александр Блок.

Такие встречи будоражили юношеское воображение. Хотелось самим создавать стихи, погружаясь в волнительный мир поэтического творчества. Любительницы стихов объединились в кружок поэтов "Голубая лампа", которым руководил Н. К. Пиксанов. С большим воодушевлением слушательницы готовились к его заседаниям. Собирались каждый раз у "другого поэта": лампочку приносили с собой и ввертывали в той комнате, где происходило очередное чтение»¹⁶.

По инициативе курсисток в институте была создана общественная читальня, размещавшаяся в проходном зале. Руководила ею одна из студенток. На собранные средства закупали новинки — альманахи, сборники, журналы. Читальня давала в первую очередь возможность познакомиться с современной литературой. Не было отбоя от желающих посидеть в ней и почитать стихи поэтов всех рангов, новые рассказы Бунина и Куприна, новые стихи Брюсова.

Другой общественно-литературной инициативой было издание журнала «Искание». Он переписывался от руки, размножался на ротаторе и расходился во множестве экземпляров. Журнал был задуман как большой институтский сборник, в котором, кроме литературно-художественного отдела, были и отклики на современные события жизни, педагогические статьи, сатирические странички и т. д. Вышло, правда, всего два номера этого журнала, но его статьи хорошо передают основные настроения студенток той поры. В каждом номере издатели альманаха старались помещать дискуссионные статьи, противоположные по мировоззрению, считая, что чем больше спора, чем раскаленнее атмосфера — тем больше жизни будет на курсе¹⁷.

Показательно стихотворение, открывающее номер альманаха. Это своеобразная попытка преодолеть пассивность и отчужденность от жизни части курсисток.

Хочется нового, жадно манящего,
Грозно прекрасного, неуловимого,
Тайно и страстно собою живящего,
Вечно могучего, вечно любимого.
Жаждешь труда до забвения жгучего,
Хочется разом весь мир полюбить,
Хочется воли, простора могучего
В победоносном стремлении — жить!¹⁸

Статье «Куда мы идем?» предпослан эпитафия — слова профессора С. А. Адрианова из его лекции о Достоевском: «Мы всегда хотим как можно больше волноваться».

Молодости свойственно стремиться выйти из тихой заводи и оказаться в гуще событий. «Мы не знаем ни минуты покоя, мы вечно волнуемся, куда-то спешим. Но этот трепет души порой так далек от нашей курсовой жизни. Слушая лекции, мы погружаемся в чистый поток, и нам открываются такие светлые, но чуждые жизни, такие равнодушные дали. <...> А человеческая жизнь постоянно требует, чтобы мы вошли в нее борцами за повседневность, за души маленьких людей. А наука порой равнодушна к повседневному»¹⁹.

Журнал «Искание» пользовался популярностью. Особенный успех имели «водевили», в которых остроумно обыгрывались слабости и характерные особенности профессуры. Будущие педагоги, девушки высмеивали «педагогическое мастерство» некоторых профессоров, а чтобы загладить возможную обиду, эпитафией к водевилям были выбраны слова Гоголя: «...озаренное силой смеха, несет оно уже примирение в душу». Одна из слушательниц вспоминает: «Все были выписаны кистью под Щедрина и даже прозвища были гротескные. Ничему не учивший нас щеголеватый француз Бальи-Конт назывался граф Болти-Болтай, а усыпляющий нас лекциями о Греции Хилинский — Хилит Доисторический».

Самым смелым образом пародировалась манера читать лекции, например, путаного Гребенкина. Говоря об успеваемости по логике нашего курса, он выступал на педагогическом совете так: "Они все отличаются совершенной невинностью по части логики и страдают излишним применением принципа экономии сил. Посему скорее будет существовать жареный лед, круглый квадрат, скорее какой-нибудь кандидат на Удельную представит себе эн-мерное пространство, чем они поймут что-либо в области регистрирующих понятий". — Это был шедевр! Гребенкин, как живой, с его набором диких фраз и шаблонных приемов. А Никола Каринка, конечно, цитировал что-то из праславянской эпохи, характеризуя наш курс: "Старшие тулятся за средних, средние тулятся за младших, а от младших и ответа нету". Надо сказать, что водевиль этот назывался "Совет об участии младенцев"²⁰. Ректор института С. Ф. Платонов назван в нем Платон Сергиус, а профессор педагогики П. Ф. Каптерев — Капитолий Педагогиус. Интересно, что в этом человеческом паноптикуме не нашлось места профессорам С. А. Адрианову и Н. К. Пиксанову: по-видимому, их слишком уважали.

После появления альманаха родилась идея о создании литературного кружка по новейшей литературе, и 8 марта 1914 г. состоялось его открытие. Руководить кружком согласился Н. К. Пиксанов. Яркий портрет его нарисовала одна из слушательниц: «Есть в нем какая-то душевность, когда он улыбается точно одной стороной лица, и левый ус подымается кверху; и когда слушает, наклонившись, — он очень высок — наши горячие планы и предложения. Наскоки, несомненно, нравятся; он улыбается нашей искренности, юности, одержимости. На семинарских занятиях он официален, непроницаем, очень серьезно придирается к словоизвержению в наших рефератах, и тогда он действительно может показаться чопорным, тем более что взгляд его трудно уловить за стеклами очков с черным ободком. И все-таки он согласился возглавить такое рискованное дело. Мало ли до чего можно договориться в реферате о Блоке, Винниченко, Бальмонте! Заседания нашего кружка становились ареной борьбы. Спорили уже не о докладе, иногда возникала открытая борьба. Пиксанов в споры не вступал... Ему нравится наша молодость и задор, до чего же он много взял на себя!»²¹

Литературные новшества, театральные премьеры и авангард в искусстве все же не могли вытеснить вечную классику. Внимательный петербуржец непременно заметил бы возле ночных костров среди дежуривших у билетных касс театралов и студенток-педагогичек.

С началом Первой мировой войны, в августе—сентябре 1914 г., педагогички, охваченные патриотическим порывом, жаждали «настоящего» дела — активной помощи раненым солдатам.

В институте нашлись хорошие, деловые организаторы, сумевшие в короткий срок создать лазарет на 80 тяжелораненых солдат. А девушки в срочном порядке добровольно прошли медицинскую подготовку на краткосрочных сестринских курсах, а потом, засучив рукава, включились в деятельность лазарета, не отказываясь ни от какой работы по обслуживанию раненых. Большинство из них самоотверженно проработали в лазарете более трех лет, совмещая дежурства с учебой в институте. Только за первый год работы лазарета через него прошли 356 пациентов. Тяжелораненых солдат привозили непосредственно с фронта, чаще всего ночью. Их вносили сестры и санитары на носилках, мертвенно бледных, покрытых грязными смятыми шинелями, часто в тяжелом забытии. Нормальную работу лазарета обеспечивала исключительно слаженная и дружная работа сестер, основанная на взаимопомощи и доверии.

Девушки-медсестры круглосуточно дежурили в палатах, помогали при перевязках и по уходу за ранеными. Особая группа студенток-старшекурсниц естественного отделения обеспечивала непрерывную работу аптеки (на базе химической лаборатории), в которой сами готовили мази, микстуры, капли, порошки, стерилизовали перевязочные материалы. Аптекой заведовала одна из студенток под руководством профессора-химика В. Н. Верховского. Для рентгеновского обследования больных были собраны из приборов физической лаборатории временные установки, которые обслуживались лаборантами и слушательницами физического отделения. Начальником лазарета был доктор-хирург Г. И. Иовович — человек большого отзывчивого сердца и глубоких профессиональных знаний (он проходил стажировку у профессора Р. Р. Вредена в Ортопедическом институте). Г. И. Иовович всей душой откликнулся на порыв молодежного коллектива, помог девушкам стать образцовым и квалифицированным медицинским персоналом.

Все студентки принимали участие в проведении занятий с выздоравливающими, на которых желающие обучались грамоте, беглому чтению, каллиграфии, арифметике, русской истории, иностранным языкам, ручному труду — шитью туфель, приготовлению конвертов, выпиливанию, сапожному мастерству и др. Занимались девушки и устройством культурных мероприятий. Для лазарета была учреждена особая библиотека (более тысячи книг), устраивались образовательные чтения в сопровождении «волшебного фонаря», проводились концерты, экскурсии по городу, посещения соборов и Зимнего дворца. Внимательно относились и к удовлетворению религиозных потребностей раненых, которые часто бывали в институтской церкви. Особенно много их собиралось на пасхальных службах. «Кто ходил, сами взбирались на третий этаж, а лежащих приносили на койках. Мы сами, слабые девушки, втаскивали тяжелые кровати с больными по лестницам наверх и устанавливали рядами. Все халаты, постели сверкали белизной, настроение создавалось торжественное и умиленное. Потом тем же порядком стаскивали койки вниз, стараясь при этом не трясти их, чтобы не побеспокоить больных. В палатках у больных появлялись гирлянды флажков, бумажных фонариков, устраивался праздничный стол с куличами, пасхами, крашеными яйцами. Священник П. П. Аникиев служил праздничные молебствия по палатам»²².

За работу в лазарете многие девушки получили награды, а четыре медицинские сестры были высочайше отмечены «серебряными медалями на анненской ленте». Лазарет проработал в институте до осени 1917 г. Тяжелая работа в лазарете была одухотворена осознанием высокого нравственного долга и проникнута глубокой любовью к ближнему, искренним сопереживанием человеческих страданий. Лазарет стал для многих студенток школой жизни, где произошло некое единение сестриц-горожанок, институтских барышень, с простыми солдатами — выходцами из народа.

В предреволюционный период в жизнь института вошли и другие виды общественной деятельности. Например, дежурства в хлебопекарне, где приходилось следить за выпечкой и раздачей хлеба. Кроме того, при институте была открыта детская столовая и рабочие общеобразовательные курсы. Судя по воспоминаниям, слушательницы не очень увлекались политикой. Большинство из них разделяли позиции либерализма и мирного просветительства. Некоторые считали, что студенческие организации института были слабыми, находились под неусыпным контролем администрации и занимались преимущественно вопросами общественно-политического характера, были в институте крайне редкими и эпизодическими. Однако в студенческом журнале и в воспоминаниях бывших студенток имеются отклики педагогичек на революционные события, упоминается привлечение некоторых из них к уголовной ответственности за участие в политических мероприятиях. Слушательницы Женского педагогического института, замеченные в распространении среди учащейся молодежи «идей социально-демократического направления», лишались права заниматься

педагогической деятельностью. За студентками был установлен полицейский надзор: начальство института обязано было представлять в жандармское управление списки слушательниц с их фотокарточками и указанием вероисповедания.

1914–1917 гг. были тревожными. Это было время подготовки и свершения революции...

С начала и особенно после Октября институтская жизнь заметно усложнилась. Проводить учебные занятия было очень трудно из-за холода в аудиториях. Некоторые преподаватели проводили свои занятия на дому. А, например, одна из наставниц института, Е. С. Султан-Шах, свою квартиру полностью превратила в учебные помещения.

С этого времени для многих началась новая жизнь в новой стране...

Примечания

1. Пресняков А. Е. Письма к матери. 1898–1899 гг. / Публ. Т. Н. Жуковской // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2000. Вып. 2. С. 318.
2. ЦГИА. Ф. 918. Д. 5269. Л. 108 об.
3. Нечаев Н. Н., Князев Е. А. Типология высшего педагогического образования (исторический аспект) // Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Обзор информ. / НИИВШ. М., 1989. Вып. 3. С. 36.
4. В настоящее время — школа-гимназия № 85 Петроградского района Санкт-Петербурга.
5. ОР РНБ. Ф. 585 (Платонова). Оп. 1. Д. 2110. Л. 35.
6. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ С-16 (Семенова-Мейер). С. 5.
7. ОР РНБ. Ф. 585 (Платонова). Оп. 1. Д. 2111. Л. 4.
8. На заседаниях конференции обсуждались все вопросы, связанные с учебно-воспитательным процессом и внутренними делами института.
9. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-3 (Вайнерт-Влядик). С. 31.
10. Там же. С. 25.
11. Там же. С. 26.
12. Там же. С. 49–50.
13. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ С-43 (Садова). С. 4.
14. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-3 (Вайнерт-Влядик). С. 41–42.
15. Там же. С. 45.
16. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-4 (Варнина-Миллер). С. 34–36.
17. В музее истории РГПУ им. А. И. Герцена хранится второй номер журнала (репринтное издание рукописи; 1914 г.).
18. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-4 (Варнина-Миллер). С. 30.
19. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. Архив Н. Гринковой. Журнал «Искание» (рук.). 1914. С. 26–27.
20. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. В-4 (Варнина-Миллер). С. 16–17.
21. Там же. С. 17–20.
22. Там же. С. 4.

*И. В. Лихолетова,
главный хранитель музея истории университета*

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ — К ЗНАНИЯМ (о студентах 1920-х гг.)

Первое послереволюционное десятилетие. Сложные, противоречивые, смутные времена. В стране — голод, разруха. Новая власть — в стадии становления. Глубинные изменения затронули все стороны жизни народа. И образование, как один из краеугольных камней здания нового общества, также находилось в процессе трансформации. Страна остро нуждалась в подготовке квалифицированных кадров для вновь создаваемой единой трудовой школы, школ взрослых, ликбезов, дошкольных учреждений и т. д. В ответ на требования времени с 1918 по 1925 г. в Петрограде шел сложный процесс реорганизации высших педагогических заведений, который завершился созданием в 1925 г. объединенного Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

В те непростые годы в образовании менялось все: перекраивались учебные программы, обновлялся профессорско-преподавательский состав (хотя многие преподаватели дореволюционной высшей школы, к счастью, остались работать в советских вузах). Изменилось и само студенчество: преобладание в педагогическом образовании бывших гимназисток из дворянских, купеческих, зажиточных мещанских семей сменилось широким потоком юношей и девушек «из народа», и «классовая вражда», безусловно, слегка ощущалась в среде студенчества. Вот выдержка из «Записок русской